

Б. М. АРУТЮНЯН

НЕКОТОРЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПО „ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СССР“

проф. С. В. Юшкова

Недавно вышла из печати объемистая книга проф. С. В. Юшкова „История государства и права СССР“, ч. I. Книга издана под маркой Всесоюзного института юридических наук НКЮ СССР и утверждена Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК ССР в качестве учебника для юридических институтов.

Это—первая книга, первый учебник, который охватывает „не только историю государства и права русского народа, но вместе с тем и историю государства и права всех народов нашего Союза“, причем в отношении тех народов, которые составляли государства и имели свои правовые системы до присоединения их к Российской империи, автор считает необходимым вопрос „изучать с самого появления у этих народов государственных образований“ (стр. 3). К числу таких народов автор справедливо относит и армянский народ, один из старейших среди народов СССР.

Считая вполне правильной такую установку автора и приветствуя появление на свет такого важного и необходимого учебника для высшей школы, хотелось бы сделать несколько критических замечаний.

Мы не будем касаться всех отделов книги проф. Юшкова. Нашу задачу мы ограничиваем только некоторыми заметками по отделам и главам, касающимся истории государства и права армянского народа.

Историю армянского государства автор начинает с VI века до нашей эры. Дав беглый обзор политической истории армянского народа древнейшего периода на основании далеко еще не проверенных исторической наукой сведений, автор останавливается на политическом строе Армении в эпоху Тиграна Великого (I век до н. эры), характеризуя его как восточный деспотизм. Здесь довольно подробно останавливаясь на функции, положении и роли правящей верхушки, автор, однако, не дает читателю представления о социальном составе общества и о взаимоотношениях классов.

Единственная фраза, которая касается вопроса социального состава общества, — следующая: „Все подданные, как высшие сановники, так и крестьяне, назывались царскими слугами“ (стр. 13). Получается так, что основными категориями дифференцированного классового общества этого периода в Армении является царь — с одной стороны, его слуги — с другой, причем в составе второй категории сливаются в одно все классовые подразделения общества. О „сановниках“ мы читаем на 14-й странице следующее: „Само управление государством было вверено царем *особым лицам*, причем эти высшие должности, находившиеся в руках нескольких *знатных фамилий*, были наследственными (стр. 14, подчеркн. мною—В. А.). Однако, остается совершенно непонятным — к какому социальному классу принадлежали эти „сановники“, эти „особые лица из знатных фамилий“; были ли они представителями определенного класса? и если да, то какова была социально-экономическая база их могущества? или они являлись просто чиновниками по назначению царя?

Остается невыясненным также важнейший вопрос — какая общественная формация господствовала в Армении в эту эпоху.

Под тем же заглавием „Политический строй Армении в эпоху Тиграна Великого“ — автор дает беглый, отрывистый, довольно путанный обзор политической истории Армении до падения Аршакидской династии (429 г. н. эры), и даже дальше — марзпанского периода (до половины VII века), который он называет „нахарарским“, основываясь на том, что „для управления Персидской Арменией назначался марзпан, представитель персидской власти в стране, но фактически вся власть принадлежала крупным армянским феодалам-нахарарам“, которые иногда назначались на должность марзпанов“ (стр. 14). И вот из этого автор делает совершенно неожиданный вывод: „таким образом, Армения из рабовладельческого государства при Аршакидах постепенно превратилась в государство феодальное“ (?). По смыслу этой фразы, где из уст автора первый и единственный раз в его книге мы слышим о рабовладельческом строе в Армении, можно было полагать, что, по мнению автора, до Аршакидов¹, и даже при них, в Армении существовал, и даже господствовал, рабовладельческий строй, который превращался в феодальный в силу того только, что в Персидской части Армении на должность марзпанов назначались нахарары-феодалы (?). Да ведь эти „нахарары“ существовали и до Аршакидов при Тигране II и во всем периоде царствования Аршакидов, занимая те „высшие должности“ и являясь теми же „сановниками“ — „азарапетами“, „спарапетами“, „мардпетами“, „кусакалами“ и проч., о которых упоминает автор в параграфе о Тигране II.

1) Аршакидская династия царствовала в Армении с 66 г. до 429 г. н. эры.

Впрочем, автор впадает в еще более глубокое противоречие, когда он начинает говорить „о превращении Армении в феодальное государство“.

На стр. 15-й он пишет:

„Первыми армянскими феодалами были так называемые комархи—родовые старшины, которые, превратившись в главы (тэры), стали захватывать землю своих общинников, обращая последних в зависимое население“.

Комархи (впрочем, это греческое слово совершенно не было в употреблении в древней Армении) упоминаются у Ксенофонта в „Анабазисе“ в начале IV в. до н. эры, т. е. значительно раньше господствовавшего при Тигране Великом строе, который автор считает как будто рабовладельческим, постепенно переходившим в феодальный только при Аршакидах.

Из вышеприведенной цитаты можно заключить, что феодальный строй в Армении возник и постепенно развивался на основе патриархально-родового строя. Естественно, спрашивается: когда же, по автору, возник и существовал рабовладельческий строй в Армении, когда для его существования ни времени, ни подходящей социально-экономической базы не остается? Да и откуда автор взял, что в древней Армении существовал рабовладельческий строй, когда о нем никаких сведений в источниках нет и, насколько нам известно, ни один более или менее авторитетный исследователь армянской истории этого не утверждает. Ведь не обязательно, чтобы все народы неминуемо проходили через рабовладельческий строй?

Таким образом, неясное представление автора как о политической, так и о социально-экономической истории Армении приводит его к явно противоречивым и неправильным выводам.

Немало путаницы можно видеть и в употребляемой автором феодальной терминологии. Вот яркий пример. На стр. 15-й читаем:

„Следующий за нахарарами слой феодальных землевладельцев составляли азаты, которые, будучи освобождены от налогов, несли службу в царской или нахарарской коннице. За свою службу они получали феоды (хостакдары). Кроме того, под вассалитетом нахараров находились лица, называвшиеся царра (дзара), которые также получали от своих сеньоров за свою службу земли“

Во-первых, отметим, что „хостакдар“ — это не феодал, а феодал. Затем, слово „*ճառար*“ (по автору „царра“) как феодальный термин в древнеармянском языке употреблялось в том же смысле, в каком употреблялись: на русском — „слуга“, на латинском — *wassus, servus*. Так назывался (главным образом в обращении) всякий нижестоящий по феодальной лестнице вассал по отношению к вышестоящему — сюзерену. В феодальной Армении все феодалы в обращениях к царю называют себя „*ճառար*“. В узком смысле слова „*ճառար*“ употреблялось

в значении „дворового слуги“, находившегося на положении холопа—раба. Ни в одном источнике или в монографическом исследовании по истории Армении нельзя найти употребление слова „*ճիւղ*“ в том смысле, в каком его представляет автор, т. е. особой категории феодалов-землевладельцев¹.

Таким образом, в книге проф. Юшкова неточные, часто неправильные, притом отрывочные, не связанные исторической последовательностью и внутренней закономерностью сведения об исторических событиях не дают читателю возможности выяснить себе, на какой социально-экономической базе сложился тот или другой государственный строй в древней Армении.

Скудным и малосодержательным является сказанное автором в этом отделе об армянском феодальном праве. Он довольствуется здесь лишь одной общей фразой: „В феодальной Армении установилась система феодального права“. Да еще несколько сведений о браке и наследстве со ссылкой на Юстиниана, необоснованность и тенденциозность которых ясно доказал Н. Адонц в своем известном труде „Армения в эпоху Юстиниана“ (см. стр. 184—198). Сказанное о браке и наследстве противоречит также всему духу армянского права. (сравни М. Гош—„Судебник“ (на армянском языке), ч. 1, ст. 121, стр. 290).

Ошибок, подобных вышеприведенным, и упущений по истории армянского государства и права немало также и в других отделах книги. Считаю особенно необходимым остановиться на гл. IV, § 2, озаглавленном „Основные черты армянского права по „Судебнику“ Мхитара Гоша“ (реценз. кн. стр. 155—159).

Эта часть труда проф. Юшкова является сплошным недоразумением. Будучи совершенно незнаком с армянским подлинником „Судебника“ Мхитара Гоша на армянском языке, изданным ученым монахом **Ваном Бастамяном** в 1880 г., автор, повидимому, использовал в качестве единственного источника так называемые „Армянские законы“ из „Сборника законов грузинского царя Вахтанга VI“ (изд. А. С. Френкеля под редакцией Д. З. Бакрадзе, Тифлис, 1887 г., стр. 230—350), притом не только без всякого критического к нему отношения, но даже и не обратив внимания на примечания редакции, относящиеся к этому отделу.

Например, в примечании на стр. 231—232 проф. Юшков мог бы читать, что „грузинский перевод значительно отстает от армянского подлинника... статьи местами сокращены или слиты, местами выброшены, а местами дополнены новыми“.

¹ О термине „*ճիւղ*“, а также о вышеупомянутых—„хостак“ и „хостакдар“ см. акад. Я. А. Манандян—„Заметки о феоде и феодальной войне Парфии и Аршакидской Армении“. Тифлис. 1932 г., стр. 11—13.

В том же примечании говорится, что „грузинский перевод предлагаемых „Законов“ сделан с армянского подлинника и притом „выписанного из Эчмиадзинского монастыря“ и что „в нем об авторе их нет ни слова“ (подчеркнуто мною — Б. А.), а только сам издатель полагает, что это из „Судебника“ Мхитара Гоша.

Затем из „сравнительной ведомости статей армянских законов по „Сборнику“ царя Вахтанга и по „Судебнику“ Мхитара Гоша“ (стр. 350 — 361) проф. Юшков мог бы видеть, что первые 150 статей в „Сборнике“ Вахтанга не имеют соответствующих себе статей в „Судебнике“ Гоша. Все это, безусловно, натолкнуло бы автора на мысль, что этот единственный источник, которым он пользуется для изложения армянского права по „Судебнику“ Мхитара Гоша, есть источник не совсем доброкачественный, — следовательно, надо искать подлинник и пользоваться, во-первых, им, а затем и многочисленными исследовательскими работами об армянском праве по „Судебнику“ Гоша на армянском, русском и иностранных языках.

Теперь посмотрим, к какому результату привело такое поверхностное отношение к безусловно серьезной задаче, поставленной автором для себя.

Но прежде чем перейти к критике данных автором сведений об армянском праве по „Судебнику“ Мхитара Гоша и толкованию их, остановимся вкратце на единственном источнике, использованном автором, а именно: 7-м отделе сборника Вахтанга, носящем заглавие „Законы армянские“ (стр. 230 — 350). Этот отдел „Сборника законов“ Вахтанга состоит из двух отделений. 1-е отделение, состоящее из 150 статей, представляет из себя известный „Сирийский судебник“¹, переведенный на армянский язык, по мнению некоторых исследователей (Н. Адонц, Зарбанальян и др.), в конце XII века (1197 г.) известным киликийским епископом Нерсесом Ламбронским. Нет основания полагать, что эти „законы“ имели более или менее широкое практическое применение даже в Киликии, где они были впервые переведены, так как уже в половине XIII века там применялся „Судебник“, составленный киликийским князем Смбатом на основании „Судебника“ Гоша. Что же касается самой Армении, то уже в конце XII века здесь появился „Судебник“ Мхитара Гоша, который имел широкое практическое применение.

Названный „Сирийский судебник“ давно известен в европейском ученом мире. Исследованием его занялись многие юристы — исследователи (Bruns, Sachau, von Lingental и др.).

В 1880 г. в Лейпциге он издан в сирийском, арабском и армян-

1) Этот „Судебник“, или „Законник“, переведен с греческого на сирийский яз. в последней четверти V в. и содержит законы и приказы византийских императоров — Константина, Феодосия и Льва, а потому правильнее называть его сироро-мейским.

ском варианте, вместе с немецким переводом (см. Bruns und Sachau. Sirisch — Romisches Rechtsbuch, Leipzig, 1880).

В грузинский „Сборник законов“ Вахтанга VI названный сирийский судебник попал следующим образом: грузинский царь Вахтанг VI (будучи царевичем) в начале XVIII века обратился в Эчмиадзин к армянскому католикоосу с просьбой—выслать ему имеющиеся там сборники „армянских законов“. И вот вместе с „Судебником“ Мхитара Гоша Вахтангу была послана также и рукопись армянского перевода упомянутого сирийского судебника.

Переводя полученные из Эчмиадзина „Законы“ с армянского на грузинский язык, Вахтанг, как выше было указано, внес в них значительные изменения по своему усмотрению и поместил их в свой „Сборник законов“ под общим заглавием „Законы армянские“, без упоминания авторов и источников, откуда он взял эти „законы“.

Из сказанного ясно, что „армянские законы“ Вахтанга не могут служить достаточно надежным и верным источником для истории армянского права, тем более для учебника высшей школы.

Надо полагать, что проф. Юшкову все это было неизвестно, в противном случае было бы непонятно, почему он приписывает „Сирийский судебник“ Мхитару Гошу и почему он так широко использует первое отделение „Законов армянских“ Вахтанга, т. е. сирийские законы, для построения системы армянского права.

Теперь, несколько слов о подлинном „Судебнике“ Мхитара Гоша. „Судебник“ этот, составленный в конце XII века, имел действительно широкое применение. На „Судебнике“ Гоша были составлены: „Киликийский судебник“ Смбата Гунстабля (Конетабля) в XIII веке; в XVI веке в Польше он применялся в армянских колониях, которые пользовались внутренним самоуправлением. Доказательством этого может служить то, что венским проф. Бишофом найден рукописный экземпляр этого армянского судебника, с некоторыми изменениями утвержденного в 1518 г. польским королем Сигизмундом. Он применялся в армянских колониях в Крыму в XVI веке и в Астрахани.

Первое издание на армянском языке „Судебника“ Мхитара Гоша, как было указано выше, вышло в 1880 г. в Эчмиадзине с пространном и содержательным предисловием (180 стр.) и примечаниями ученого монаха Ваана Бастамяна.

„Судебник“ Гоша состоит из трех частей: 1) Введение (*Նախադրույթ*), состоящее из 11 глав, 2) „Законы церковные“, состоящие из 124 статей, и 3) Законы светские, состоящие из 130 статей.

Во „Введении“ Гош подробно трактует о судеустройстве и судопроизводстве. Надо отметить, что это „Введение“ совершенно не нашло себе отражения в „Сборнике“ Вахтанга VI.

О „Судебнике“ Мхитара Гоша имеется довольно большая ли-

тература как на армянском, так и на русском и иностранных языках (Վ. Բառսեթյան, Խ. Սահակյան, Ա. Ղևոնդյան, Алексеев М., Арцруни С, Brosset A., Karst I., Kohler I., Bischof F. и др.).

В результате смешения сиро-ромейских законов так называемого „Сирийского судебника“ с армянскими законами из „Судебника“ Гоша в книге проф. Юшкова Мхитару Гошу и вообще армянскому праву приписываются совершенно чуждые им принципы и нормы. Приведем несколько примеров.

1. На стр. 155-й своей книги проф. Юшков пишет: „Другой характерной чертой сборника (Гоша) является то, что в нем содержится целый ряд норм, определяющих положение крепостного крестьянства“. Затем автор, на основании этого „целого ряда норм“, определяет „положение крепостных в Армении“. Считая необходимым, во-первых, отметить „определенную тенденцию к ограничению отпуска крепостных на волю“, автор перечисляет ряд норм, которые действительно дают картину ограничения отпуска крепостных на волю, ущемления их прав до того, что „если крестьянин или слуга захотят что-либо купить, то могут это сделать с позволения своего хозяина“ (стр. 156).

Конечно, автор совершенно и не подозревал, когда писал эти строки, что он воспроизводит нормы не армянского права, а сиро-ромейского и не из „Судебника“ Мхитара Гоша, а „Сирийского судебника“ (ср. ст. ст. 16, 17, 19, 27 „Сирийского судебника“, изд. А. Клтчяна (на. арм. яз.), а также „Сборник Вахтанга“ ст. ст. 16, 17, 19, 27, стр. 237—239).

Здесь уже действительно „необходимо отметить“, что у Мхитара Гоша мы находим: во-первых, очень мало статей, касающихся положения крепостных крестьян, а во-вторых—отсутствие всякой тенденции к ограничению отпуска не только крепостных, но даже и холопов (ծառայ):

Так, в статье 3-й второй части „Судебника“, озаглавленной „О правосудии над крестьянами“, Гош пишет: „Человек по природе своей создан свободным, а служить господам (приходится ему) лишь из-за земли и воды. Я считаю правильным такой суд,—если (крестьянин) оставит все господское, то свободен, где захочет жить“. Однако, повидимому, считаясь с практиковавшейся в действительности узурпацией прав крестьян со стороны феодалов, Гош оговаривается: „а если кто-либо из господ не простит этого и насильно заставит ушедшего (крестьянина) вернуться, то после смерти отца свободны его сыновья“. (См. упомянутое арм. издание, стр. 320—321).

Тот же принцип проведен в 75-й статье, относящейся к беглым холопам. Здесь Гош считает правильным и приемлемым Моисеев закон, гласящий: „Не выдавай пришедшего к тебе чужого холопа

господину его, но посели у себя, где пожелает, и не обременяй его". (Там же, стр. 391. Ср. „Сборник Вахтанга“, стр. 303, ст. 269).

Из этих двух статей достаточно ясно видно, что у Мхитара Гоша нет никакой тенденции к ограничению отпуска крестьян на волю, как это полагает проф. Юшков. Наоборот, действия господина, направленные к такому ограничению, Гош считает не правом, а насилием.

Гош нигде и ни в какой мере не ограничивает также „право крестьянина и слуги купить и продавать“. Статья, приведенная проф. Юшковым, как „очень хорошо иллюстрирующая ограничение правоспособности крепостного крестьянина“ (стр. 156), есть не статья из „Судебника“ Гоша, а лишь 17-я статья вышеуказанного „Сирийского судебного“ (см. арм. издание А. Клтчяна, стр. 15).

Немало искажений и неточностей в передаче норм армянского права можно указать и по другим „основным разделам права“, но ограничиваемся лишь несколькими примерами. Так:

1. Непонятно, откуда автор взял, что „поджигателя, застигнутого на месте преступления, бросали в огонь“ (стр. 158), между тем как в статье 94-й (II части) „Судебника“ Гоша, специально относящейся к поджогу и воспроизведенной Вахтангом с некоторыми изменениями („Сборник“, стр. 290, ст. 226), устанавливается только возмездие за убыток в трехкратном размере и 10 лет исповедывания.

2. Все, что говорится в книге проф. Юшкова о свадебном залоге (стр. 157) и о завещательном распоряжении, относится не к армянскому, а сирийскому праву.

3. Неправильно утверждение автора, что „в Судебнике Гоша имеется мало положений, относящихся к судебному праву“, и что „отмечается только, что решение уголовных дел принадлежит собственнo царю, а не судьям“ (стр. 156).

Как было указано выше, большая часть пространного „Введения“ к „Судебнику“ посвящена именно судебному праву; здесь подробно устанавливается: что такое суд, кто может быть судьей, кто—свидетелем, как должен вестись суд и т. п. Там же, в 5-й главе, говорится, что по светским делам (а не уголовным, как пишет проф. Юшков) суд справляет христианский царь или князь, а если таковых нет, то поручается епископу.

Считаем лишним продолжать приводить примеры. Думаем, что и указанных достаточно для того, чтобы составить понятие о том, как в данном случае проф. Юшков пользовался источниками. Тем не менее нельзя не отметить один существенный момент. Автор далеко неполно представил этот богатый источник армянского права.

„Судебник“ Гоша содержит и другие „основные разделы права“, на которых необходимо было остановиться. Скажем, например, о нор-

мах социальной охраны, чрезвычайно интересных особенно в отношении армянского средневековья, о распределении земель среди членов сельской общины и т. п. Ряд статей у Мхитара Гоша относится к охране труда работавших по найму (*վարձակ*) в сельском хозяйстве (ч. II, ст. ст. 83, 113, 120, 121, 125 и др.). Так, например, в статье 83-й Мхитар Гош требует платить наемному работнику заработную плату в день работы до захода солнца, мотивируя свое требование тем, что он (наемный работник) может быть без крова и вся надежда его на этот заработке. Затем добавляет: „Известно, что из-за бедности и нужды стал он наемным, и если (наниматель) не платит (ему) в день работы, то законно и справедливо уплатить (потом) больше, чем (условленную) плату. (Арм. издание „Судебника“ Гоша, стр. 395).

Из всего изложенного становится ясным, что проф. С. В. Юшков, принимаясь выполнить серьезную задачу — дать учащейся в юридических вузах молодежи учебник истории государства и права всех народов СССР, недостаточно серьезно и научно выполнил ее, по крайней мере в отношении одного из этих народов, имеющего свою вековую и богатую культуру, — армянского народа. Такое поверхностное отношение непростительно тем более, что армянский народ не „исчезнувший“ вроде хозаров, урартийцев, истории которых автор считает необходимым коснуться „хотя бы вкратце“ (см. введение), а один из достойных членов семьи Советского Союза, обеспечившего ему, наравне с другими братскими народами, „расцвет высокой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, и развитие своей государственности в составе братского Союза“ (введение, стр. 3). Армянский народ имеет свой университет с юридическим факультетом; наконец, он имеет свой филиал Академии наук СССР, к консультации и помощи которого мог бы обратиться проф. Юшков при затруднениях в составлении той части своего учебника, которая относится к истории государства и права армянского народа.